

Когда Чэн Му вышел из Запретной темницы, уже стемнело.

Он волочил почти не слушавшиеся его ноги, шаг за шагом продвигаясь по длинному коридору поместья Шэнь. Рубашка насквозь пропиталась кровью и прилипла к ранам, и с каждым шагом он слышал, как рвется плоть.

Но он не мог остановиться.

Без приказа Шэнь И он не имел права ехать в больницу, не мог получить медицинскую помощь и даже не смел позволить кому-либо узнать о своих увечьях. Ему оставалось лишь вернуться в свою комнату и самому заняться ранами.

Как и всегда.

Всего полчаса назад он был в Запретной темнице.

Запретная темница — подземная пыточная клана Шэнь, место, предназначенное для предателей, провинившихся теневых стражей или тех, кого Шэнь И считал заслуживающими наказания.

Здесь не было солнечного света, не было понятия времени, лишь холодные черные каменные стены да вечно влажные пятна крови. Воздух был пропитан сыростью, гнилью и едва уловимым металлическим привкусом ржавчины.

Когда Чэн Му втащили внутрь, стоявшие вокруг теневые стражи смотрели на него равнодушно, без капли сочувствия. Его приковали к центральному столбу для пыток, руки высоко подвесили на цепях так, что кончики пальцев ног едва касались пола. Спину обнажили, безжалостно разорвав одежду, и холодный воздух коснулся бледной кожи.

Плеть никогда не знала жалости.

Он не впервые попадал в Запретную темницу, но в этот раз он понял: Шэнь И по-настоящему в ярости.

Первый удар пришелся точно по лопатке. Звук рвущейся кожи эхом разнесся по ледяному помещению, кровь брызнула фонтаном, стекая по плечу и окрашивая пол в багровый цвет. Чэн Му стиснул зубы, подавляя крик, и не проронил ни звука.

Второй удар пришелся в бок. Сила была такова, что его качнуло вперед, и цепи отозвались жалобным лязгом.

Воздух словно застыл. Правило темницы гласило: если наказуемый упадет на колени —

наказание удваивается.

Чэн Му закусил губу до крови, изо всех сил удерживая тело, не позволяя себе рухнуть. Кровь сочилась из ран, дыхание сбилось, холодный пот катился по вискам и падал на каменные плиты, смешиваясь с кровавыми дорожками, впитываясь в темный узор камня.

Теневой страж не останавливался.

Третий, четвертый, пятый удар...

Каждый раз палач вкладывал всю силу. Кожа лопалась, брызги крови разлетались в стороны, вся спина превратилась в кровавое месиво. Чэн Му пробирал ледяной озноб, цепи врезались в запястья, ладони были сжаты в кулаки до такой степени, что кожа на них лопнула. Сознание начало меркнуть, тьма перед глазами грозила поглотить его целиком.

Но он не просил о пощаде.

Потому что знал: молить бесполезно. Шэнь И всё равно не станет слушать.

Тридцать ударов. Наконец, всё закончилось.

На спине Чэн Му не осталось живого места. Одежда превратилась в пропитанные кровью лохмотья, плиты под ногами были залиты багрянцем, а воздух — тяжелым запахом крови. Он уже не чувствовал боли, все чувства будто притупились, остался лишь холод — пробирающий до самых костей холод.

Страж отстегнул цепи, и Чэн Му, лишившись опоры, тяжело рухнул на пол.

— Бух!

Колени глухо ударились о камень. Он попытался приподняться, опираясь на руки, но обнаружил, что не может пошевелить даже пальцами. И всё же, собрав последние остатки сил, он прошептал:

— Благодарю... господин... за наказание...

Он не смел просить о снисхождении, не смел сказать лишнего и даже не смел надеяться, что Шэнь И обернется.

Спустя долгое время он услышал равнодушный голос Шэнь И:

— Глаза мозолит. Уберите его.

Так холодно, словно речь шла о ненужной вещи.

Его вытащили из темницы волоком. Ночной ветер, обдувавший тело, казался острым, как нож; кровь уже начала запекаться, сознание оставалось мутным, и каждый шаг отдавался нестерпимой болью в каждом нерве.

В поместье Шэнь горел свет, но никто не остановился, чтобы помочь ему, никто не удостоил его даже взглядом. Он был лишь наказанной тенью, не стоящей внимания.

Наконец он добрался до своей комнаты.

Комната Чэн Му находилась в самом отдаленном углу поместья — каморка меньше десяти квадратных метров, обставленная настолько скромно, что трудно было поверить, будто здесь живет человек из клана Шэнь.

Внутри — лишь самое необходимое: деревянная кровать, черный шкаф да старый письменный стол. На столе лежали спирт, бинты и мазь, а у кровати стоял черный армейский ящик с запасным оружием и ножами. Никаких украшений, ничего личного — комната была пропитана удушливой пустотой.

Единственной вещью, которую можно было назвать личной, была старая фотография под стеклом на столе. На ней юный Шэнь И с холодным выражением лица стоит во дворе, а Чэн Му тихонько примостился рядом, опустив голову, словно ожидая приказа хозяина.

Эту фотографию Чэн Му хранил уже больше десяти лет.

Он сел на край кровати и дрожащими руками стянул пропитанную кровью рубашку. На спине виднелись страшные рваные раны, глубокие борозды, оставленные плетью. Опираясь на край стола, он с трудом поднялся, взял спирт и, едва сдерживая дрожь, полил холодную жидкость на спину.

— Ссс...

Острая боль пронзила всё тело. Чэн Му вцепился в край стола так, что побелели костяшки пальцев. Пот градом катился по лицу, губы были сжаты в тонкую линию, но он не издал ни звука.

Он давно привык к этой боли. Он даже научился её не замечать.

Тень не должна бояться боли. Тень... не должна иметь чувств.

Собрав последние силы, он с трудом перебинтовал спину, двигаясь скованно и осторожно, словно восстанавливающийся из руин механизм.

Лишь когда кровь остановилась, он обессиленно осел на пол, прислонившись спиной к холодной стене, и медленно закрыл глаза.

В его мире никогда не было света. И он никогда не смел на него надеяться.

Но почему... почему эта боль сейчас кажется невыносимее, чем когда-либо?

Ночь была глубокой, огни в поместье Шэнь всё ещё горели. Огромная вилла погрузилась в тишину, и лишь в одной комнате всё ещё был свет.

Чэн Му должен был забрать документы из кабинета. По обыкновению, Шэнь И в это время уже отдыхал, поэтому он бесшумно прошёл по коридору. Однако, проходя мимо главной спальни, он случайно заглянул в слегка приоткрытую дверь и увидел картину, от которой перехватило дыхание.

Ци Шэнь сидел на коленях у Шэнь И, обхватив его шею руками, и мягко лънул к нему с улыбкой. Шэнь И, положив руку на талию Ци Шэня, слегка укусил его за шею, а на губах его играла непонятная улыбка.

Ци Шэнь слегка вздрогнул и, тихонько засмеявшись, проговорил:

— Господин Шэнь, вы такой плохой...

Из комнаты донеслись его томные стоны. Мягкий свет падал на их лица, создавая атмосферу, на которую было невозможно смотреть.

Чэн Му стоял за дверью. Он знал, что не должен смотреть, но не мог отвести глаз. Это был совсем другой Шэнь И — нежный, сдержанный, любящий... Чэн Му никогда раньше не видел в нем таких чувств.

Значит, господин тоже умеет быть нежным...

В груди словно провернулся нож, ледяная боль мгновенно разлилась по всему телу.

Я не должен был этого видеть... не должен...

Чэн Му резко пришел в себя и, оцепенело развернувшись, собрался уйти, но ноги подвели его. Он невольно отступил назад и случайно наступил на край ковра, издав едва слышный щелчок.

В ночной тишине этот звук прозвучал оглушительно.

Шэнь И в комнате резко поднял голову, его взгляд вонзился в дверной проем. Ци Шэнь, проследив за его взглядом, тоже увидел застывшую фигуру и, едва заметно усмехнувшись, прошептал Шэнь И на ушко, кокетливо и намеренно провоцируя:

— Господин Шэнь, кажется, кто-то подглядывает за нами.

Лицо Шэнь И мгновенно помрачнело, взгляд стал острым, как лезвие, и он впился им в Чэн Му.

— Чэн Му, — его голос был низким и ледяным, — кто разрешил тебе стоять там?

Чэн Му опустил голову, голос его звучал сухо:

— Прошу прощения, господин, я не хотел вас беспокоить.

Шэнь И усмехнулся, схватил со стола фарфоровое пресс-папье и, не раздумывая, швырнул его в Чэн Му!

— Не хотел?

— Бух!

Фарфор с силой ударил Чэн Му прямо в левое плечо, попав в еще не зажившую рану! Острая боль разорвала плечо, кровь снова проступила сквозь ткань. Чэн Му глухо застонал и, покачнувшись, едва не упал. Рана, которая еще не успела затянуться, снова открылась, и боль была такой силы, что он не мог разогнуться.

— Господин Шэнь, вы такой грозный, — Ци Шэнь, лениво прижавшись к груди Шэнь И, бросил на Чэн Му жалостливый взгляд и рассмеялся: — Чэн Му, неужели тебе нравится подглядывать за тем, как другие проявляют близость?

Чэн Му стоял, опустив голову, до боли сжимая зубы. Пот градом катился по лицу, но он не произнес ни слова оправдания. Шэнь И холодно смотрел на него, в его глазах читалось такое безразличие, словно для Чэн Му в этом мире не было места.

Он встал, подошел к Чэн Му и, глядя на него сверху вниз, ледяным тоном произнес:

— Что с тобой такое? От такой мелочи уже на ногах не стоишь?

Чэн Му попытался выпрямиться, но боль в плече не позволила ему этого сделать. Ноги подкосились, и в конце концов он опустился на одно колено.

Ци Шэнь тихо рассмеялся:

— Чэн Му, ты ведь не пытаешься таким образом вызвать жалость у господина Шэня?

Шэнь И нахмурился, глядя на Чэн Му, и сам не понимая, почему внутри него поднимается раздражение. Он ненавидел Чэн Му таким: молчаливым, терпеливым, вечно опустившим голову, словно покорный пес, который не скулит, как бы сильно его ни били.

Ведь он — хозяин, и то, что Чэн Му стоит перед ним на коленях, вполне естественно, но почему-то смотреть на это было противно.

— Проваливай, — холодно бросил Шэнь И, развернулся и вернулся в комнату, захлопнув дверь.

Чэн Му остался стоять на коленях на холодном полу, упираясь ладонями в поверхность. Кровь из раны на плече пропитала одежду, вся рука дрожала.

Из-за двери снова донесся смех Ци Шэня, острый, словно нож, который вонзился прямо в сердце Чэн Му. Он закрыл глаза, с трудом поднялся, придерживая плечо, и, пошатываясь, побрел прочь по коридору.

Ночь была глубокой, и в огромном поместье тень Чэн Му казалась особенно одинокой. Он даже не знал, зачем он здесь.

Он лишь знал одно: даже если ему будет больно настолько, что он не сможет стоять — он не должен этого показывать.

<http://bllate.org/book/20551/2052977>